

Наталья Беляева

Только не сегодня

Наталья Беляева

Только не сегодня. Стихи

«Издательские решения»

Беляева Н.

Только не сегодня. Стихи / Н. Беляева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518493-1

«Только не сегодня» — мой второй сборник городской, философской и любовной лирики. Основу издания составили стихи, опубликованные на авторском канале «Яблочное сердце» Яндекс. Дзен. Благодарю Викторию Нальчикову за предоставленные фотоработы и сына Романа за помощь в издании книги.

ISBN 978-5-00-518493-1

© Беляева Н.
© Издательские решения

Содержание

Только не сегодня	6
Я летаю	8
Сердце	9
Надышаться бы	10
Красный конь	12
Бесконечная любовь	13
Чугунные сны	14
Город	16
Страшная сказка	17
Грачи	18
Тише!	19
В одном маленьком городе	20
Уснуть, уснуть	21
Мы с тобой одной крови	22
Эхо	23
Шиповник	24
За тридцать ветров	25
Скучные, слишком скучные	26
Оттенки любви	27
Сумасшедший трубадур	28
Вернусь покорна	30
По белому	31
Быть обречена	32
Дышать забуду	34
Один день, одна ночь	35
Не стань понедельником	36
Обычный роман	37
Как две капельки воды	38
Город уснул	39
Королева	40
Тихая молитва	41
У Вас температура!	42
Лирический бисквит	43
Узнаешь меня?	44
Счастливый билет	46
Чай – любой	47
Обычный путник	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Только не сегодня Стихи

Наталья Беляева

© Наталья Беляева, 2020

ISBN 978-5-0051-8493-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

"Только не сегодня" – мой второй сборник городской, философской и любовной лирики. Основу издания составили стихи, опубликованные на авторском канале "Яблочное сердце" Яндекс-Дзен. Благодарю Victoriю Нальчикову за предоставленные фотоработы и сына Романа за помощь в издании книги.

Только не сегодня

Палый ранет забродил за хатой,
Тянет вином и коричневым пряником,
День уползает, как виноватый,
В хмурые заросли палисадника.

Астры грешат в тишине пьяной,
Нежно венками клонясь ближе.
Астры, как люди, ничьи – вянут,
Разве одной на Земле выжить?

Знаю, когда-то тому – статься,
Будет душа навсегда свободна
От обязательств и гравитаций,
Только, пожалуйста, не сегодня!

Гуще чернила, дома глазастей,
Клятвы навечной любви розданы
И в животе холодеет от счастья, —
Небо в любимых бросает звёздами...

Я летаю

Я летаю, но крайне редко,
В полнолуние, только ночью.
Я бы днём открывала клетку,
Только дети смеются очень.
Я лечу вдоль домов и улиц.
Ночью город прекрасней вдвое,
Спят граффити, дворы уснули,
Здравствуй, небо моё седьмое!
Ночью город похож на кофе, —
Смесь из страха, любви и мрака.
Я в кофейных делах не профи,
Но попробуй хоть раз, однако!
Желтоглазых окон зеваки,
Смыв остатки дневного грима,
Снова строят свои догадки,
А я просто ищу, любимый...
Я ищу столько лет и вёсен,
Столько зим бесконечно снежных,
Что их скоро не станет вовсе,
Время – прочь, а за ним – надежда.
От лукавого, Бог, избави...
Знаю, тема в золу избита,
Но летит без дорог и правил,
Ищет Мастера Маргарита.

Сердце

Оно билось, как сто курантов
На районе из Спасских башен,
Оно было семижды клятым,
Но сам чёрт ему был не страшен.

Оно пело, срывая голос,
Как афиши с заборов ветер,
Ликовало, тряслось, боролось,
И плевало на всё на свете.

Оно так высоко летало,
Что встречало орлов и стерхов,
Если падало с пьедестала,
Оно брызгало кровью сверху.

О, мой Бог, как оно любило!
Сумасбродно, открыто, смело,
И с такой же безумной силой
Ненавидеть оно умело.

Всё спешило, бока шпоря.
Но однажды... куда деться,
Раздавило его горе.
Это было моё сердце.

Надышаться бы

Город белым покрыт платком,
И у красок других – ни шанса,
Я вишнёвым дышу дымком.
Надышаться бы, надышаться.

Пара сливочных верениц,
Ряд домов, да седых акаций,
Мне до сонных окон-ресниц
Достучаться бы, достучаться.

Где-то там, под пломбиром крыш,
Занавесив дерюжкой сенцы,
Ты, наверно, старик, не спишь,
И бросаешь в огонь поленца.

Там сердито шипит смола,
Закипая на бывших ветках,
И сгорает в печи дотла
Вместе с ней истопник навеки,

Чтобы здесь, до самѝх небес,
Как из старой волшебной трубки,
Поднималась ваниль колец,
Словно крылья его голубки...

Остывала в углу постель,
И у печки старик, сутулясь,
Догорал. А дымок летел
Над улыбками белых улиц.

Красный конь

Вечер. Зарево в пшеницу,
Словно кровушка в ладонь.
То ли мнится, то ли мчится
Красным полем красный конь.
Седоком не тянет спину,
Ни супони, ни шлеи,
Грива алой половиной
Аж до самой до земли...
К речке тянется напиться,
Утомительны бега,
Только жаркая водица
В раскалённых берегах...
Хлещут алые колосья,
Запрягаясь с жеребцом,
А загривок с небом сросся,
Чисто жертва с алтарём.
Запыхáлся, волочится...
След в крови, копыта – включь,
Растянулась плащаницей,
Укрывая пятна, ночь.

Бесконечная любовь

Когда-нибудь падёт на землю снег.
Да что «когда-нибудь»... Наверно, скоро.
Посмотрит в небо пристально, с укором,
Последний выюн на стареньком плетне.

Боясь до первой стужи опоздать,
Он бросит торопливо в землю семя,
Как отпускает собственное бремя
В урочный день измученная мать.

Качнётся напоследок, ослабев,
На досках престарелого забора.
Прекрасно зная, что угаснет скоро,
Он тихо улыбнётся сам себе.

Придёт зима, и будет белой ночь,
Устроят трубы мира перекуры,
Но рано или поздно встанет утро,
Таков закон, его не превозмочь.

Над белыми скульптурами домов
Взойдут, как боги, ласковые солнца,
Одно – звезда небесных чудотворцев,
Другое – бесконечная любовь.

Чугунные сны

Потеряна, сразу и начисто.
Ни капельки, ни лоскутка
Любви высочайшего качества,
Что продана влёт с молотка.
Скребётся, как мышь в потолочине,
Раздумий ночное хламьё,
До слёз и истерик охочее,
Суровое счастье моё.
И лязгают где-то, и клацают,
И бьют в боевой барабан
Чугунные сны-инсталляции,
И всякая прочая дрянь.
Как будто бы вовсе и не было,
Что нежностью принято звать,
Я просто болела и бредила
Так долго, что страшно сказать.
Ладьи благодати причалены,
Морщинами облик изрыт,
И плещутся в море развалины
Убитых до щепок корыт.

Город

Город, поужинав запахом тёплого хлеба
Из перегретых, распахнутых настежь пекарен,
Молча раскинул пустые, уставшие зебры
И раскурил фонарей золотые сигары.
Город ко сну собирается, стелет постели
Ровных ночных площадей, закрывает кофейни.
Нежно качает пушистые, сонные ели
На рукавах опустевших дорожек аллейных.
Город устал, и последние свечи задуты,
Нам до утра не увидеться. Что ж, поскучаю,
Спать остаётся недолго, на булки с кунжутом
Тесто замешено. Будут на завтраке к чаю.

Страшная сказка

Этот день позади. На пушистых и вкрадчивых лапах
Подбирается вечер под окна, спокойный и синий.
Всё настойчивей страх начинает по сердцу царапать.
Я наказана ночью, хотя перед нею невинна.
Она будет сегодня длиной в мезозойскую эру,
С ней появятся сны неминуемой больной вереницей.
Ни начала у них, ни конца, и танцуют химеры
На горячих углях до утра, пряча жуткие лица.
Но как только рассвет разобьёт свою первую чашку
И прольётся горячим и крепким, карминовым чаем,
Раскрываю и окна, и двери свои нараспашку,
И серебряных труб голоса узнаю и встречаю.
Затрубят они звонко, прогонят проклятую нежить
И толпу оголтелых чудовищ в уродливых масках.
Я вдыхаю свободу, но только закатом забрезжит,
Они снова придут рассказать свою страшную сказку.

Грачи

Время застыло, уснуло в немыслимых позах.
В белом до самого неба, от края до края,
Ветер, усталый хозяин, присел на берёзу,
Струнами ветки стозвонные перебирает.
Дремлют, клювастые головы спрятав под мышки,
Чёрные угли грачей на высоких качелях.
Я где-то там, между ними. Похожа не слишком,
Просто мы все не вписались в пушистых и белых.
Это пока. В нашем мире не каждый обласкан.
Время отгаёт, возьмёт цветовую палитру,
И, подбирая единственно верные краски,
Выкрасит белое быстро, легко и нехитро.
Поле – зелёной, а радость – оранжевой кистью,
Розовой – губы, такой же – зарю и тюльпаны.
Мы подождём, только это – не ради корысти,
Наши с тобой перспективы пусты и туманны.
Нам эта яркая краска едва ли сгодится,
Нам не пристало носить разноцветные перья
Мы – непокорные, сильные, чёрные птицы.
Стражи холодного, милого сердцу кочевья.

Тише!

Тише! Тише! Дай услышать,
Как по стенам и по крыше,
На крылечке и на вишнях
Первый снег узоры пишет.
 Неба ласковые крохи
 На ладошках, на ресницах
 Исчезают с полувздохом...
 Может, это просто снится?
Шелест, шелест бесконечный,
Шёпот сонный, шёпот тайный,
Ты кому летишь навстречу,
Гость незванный и случайный?
 К тёплым окнам прислонился,
 Каплей побежал покорной
 Притворилась белой рысью
 Кошка, что гуляла чёрной.
Тише, кошка! А иначе,
Ничего я не услышу.
А услышу – так заплачу,
Даже если это – слишком.
 Даже если это глупо,
 Я расплачусь. Станет легче,
 Ведь со мной случилось чудо, —
 Я смогла услышать вечность.

В одном маленьком городе

В одном маленьком-маленьком городе вовсе не тесно,
В нём гуляют ночами стихи, распеваются песни,
Они сами живут по себе, им плевать на законы.
Может быть, вы их видели? Может быть, даже знакомы?

В этом городе, кроме стихов, проживают и люди.
Ну а что, всем достанется места, стихов не убудет.
В основном – одиночки. Бывает, сбиваются в стаи,
На тесненных обложках смущённо себя называя.

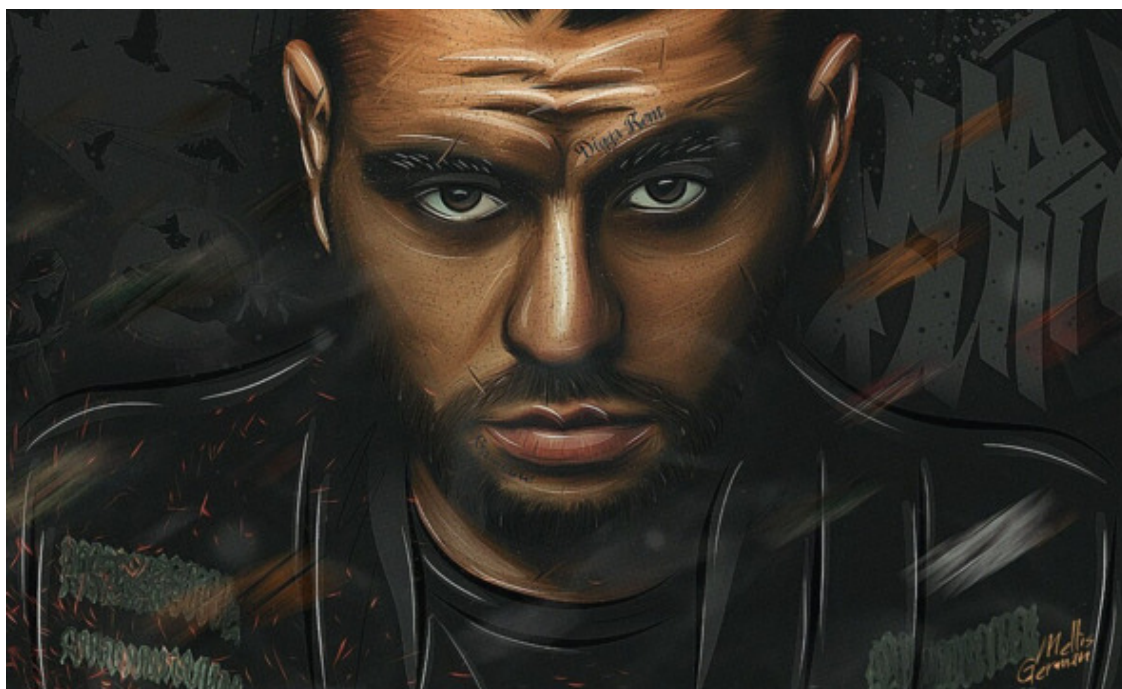
Иногда они ходят друг к другу по делу и в гости,
А бывает, от счастья хмелеют, дурнеют от злости.
У одних и других – суета и долги, и болячки,
И бывают вельможи, простушки, шуты и гордячки.

То становятся счастливы, так на любовь отзываясь,
А на стареньких крышах в награду вдруг селится аист,
То срывает на шеях резьбу, как в изношенном кране,
И летят забубенные вниз, заливаясь слезами.

В этом маленьком городе все одинаково бренны.
Здесь относят людей на погост, и в корзину катрены.
И они, расставаясь от старости или недуга,
До последнего держат в двужильных объятьях друг друга.

Уснуть, уснуть

Уснуть, уснуть до февраля.
Проспать и вьюги и морозы,
Пока сосульками земля
Прольёт оттаявшие слёзы.
 Уснуть, уснуть под вой и плач
 С цепи сорвавшихся метелей,
 Пока, безумен и незряч,
 Лютует ветер, злого злее.
Уснуть, укрыться с головой,
В никчёмный съёжиться калачик,
Сопеть, покуда шар земной
Во сне со мною не заплачет,
 И всхлипнуть сладко по весне,
 Схватить согретой грудью воздух,
 И вновь от радости пьянеть,
 Писать взахлёб стихи и прозу,
Взлетать со стаей сизарей
Над серым миром пешеходов,
И... страстно жаждать декабрей,
И сердцем ныть на непогоду.

Мы с тобой одной крови

Волк нахмуренный, волк лобастый,
Это ты, мой былой малец.
«Чем губастее – тем любастей», —
Так смеялся с тебя отец.
До мурашек, до злой боли
Мне знакомы и резкий жест,
И смешинка в твоём парболе, —
Бог не выдаст, свинья не съест
Только логово – не чертоги,
Лоб не зря на отцов похож,
Только взорваны все дороги,
По которым ты не идёшь.
Бог ли выдал? Свинья ли съела?
Что теперь нам с тобой до них,
Что до прошлого нам за дело,
Поделённого на двоих?
Жизнь уже не начать снова,
Сроку давности – свой срок.
Мы с тобою – одной крови,
Не волчонок уже, – волк.

Эхо

Я эхо твоё впустила
В сиротство огромных комнат.
Давай поболтаем, милый,
Пока эти стены помнят
Твой голос. Смешливый, прежний,
Какой он теперь, такой ли,
Как в нашей былой вселенной,
Не знающей зла и боли?
Срывая крючки и пломбы,
За эхом ворвутся тени,
Пускай и слепы, и хромы,
Но помнят угар сплетений.
Пройдутся, держа друг друга,
К звенящей тоске взывая,
Но нет, им придётся туго,
Здесь больше не стало рая,
И тени покинут стены,
Несчастные две калеки.
А эхо... Пальто наденет
И сгинет, уже навеки.

Шиповник

Какой садовник посадил роскошный куст?
Забыл и бросил...
А тот покорно рассмеялся, – ну и пусть,
Созрел под осень,
И заиграла кровь, ощерились шипы,
Не цвет – коррида...
– Вы, там! Кто не глупы, и не слепы,
Смотри, завидуй!
Но есть покой ли, неподатливая сласть,
И есть хозяин?
И кто смешал в тебе божественную страсть,
И лёд, и пламень...
Сцепились с яростью отчаянных юнцов
Восторг и слёзы,
Но забирает выюга в белое кольцо
Шипы и розы.

За тридевять ветров

Уймись, моя печаль,
Мой вечный враг и друг,
Грибным дождём с утра
Пролейся в грудь земную,
И мне не будет жаль
Под капель перестук
Раскланяться. Пора.
Другим тебя дарю.
Лети, моя печаль,
За тридевять ветров,
За тридесять снегов,
Не ведая преграды,
Оранжевую шаль
Пустеющих дворов
И пару лучших строк
Возьми себе в награду.
Беги, моя печаль,
Я дальше буду жить,
Кресты моих утрат
Неси, как груз бесхозный.
Ищи другой причал
Предательству и лжи,
Мне только бы узнать, —
Ещё не слишком поздно.

Скучные, слишком скучные

Скучные, слишком скучные
И на себя непохожие,
Словно дворцовые ключники,
Горбятся злые прохожие.
Подняли тёплые ворота,
Смотрят вокруг подозрительно,
Точно конфеты, завёрнуты
В шарфы, пальтишки и кители.
Выючные мулы и лошади,
Тащат кошёлки с баулами,
Землю пинают галошами,
Нервные, серые, хмурые.
Может, в досадливой публике
Есть и герои, и клоуны,
Феи, принцессы и умники,
Просто, они заколдованы?
Там, за деревьями мятыми
И за холодными окнами,
Сбросят ботинки и ватники,
Станут смешными и кроткими.
Грянут винтажно—винилово
Вальсы Шопена и Штрауса,
Чаем запахнет жасминовым...
Или мне всё это кажется?

Оттенки любви

В углу засел дремотный вечер,
Уже немного близорук,
Часы играют в чёт и нечет,
Очередной смыкая круг,
Щенком скулит озябший ветер
Да морось просится в окно,
В обнимку ноги, разодеты
В овцы тончайшее руно...
В печи, томясь и соблазняя,
Доходит яблочный пирог,
И в позе вечного лентяя
Храпит на коврике бульдог.
В родные вглядываясь лица,
Я отражусь на дне зрачков,
Пойму, что в запахе корицы
Оттенком слышится любовь...
Услышу каждой крохой кожи,
Вот так, болтая ни о чём,
Что нету ничего дороже,
Чем, друга трогая плечом
И чай заваривая крепкий,
Вдыхать горячий аромат
И драмы нынешнего века
В стаканах ложками мешать.

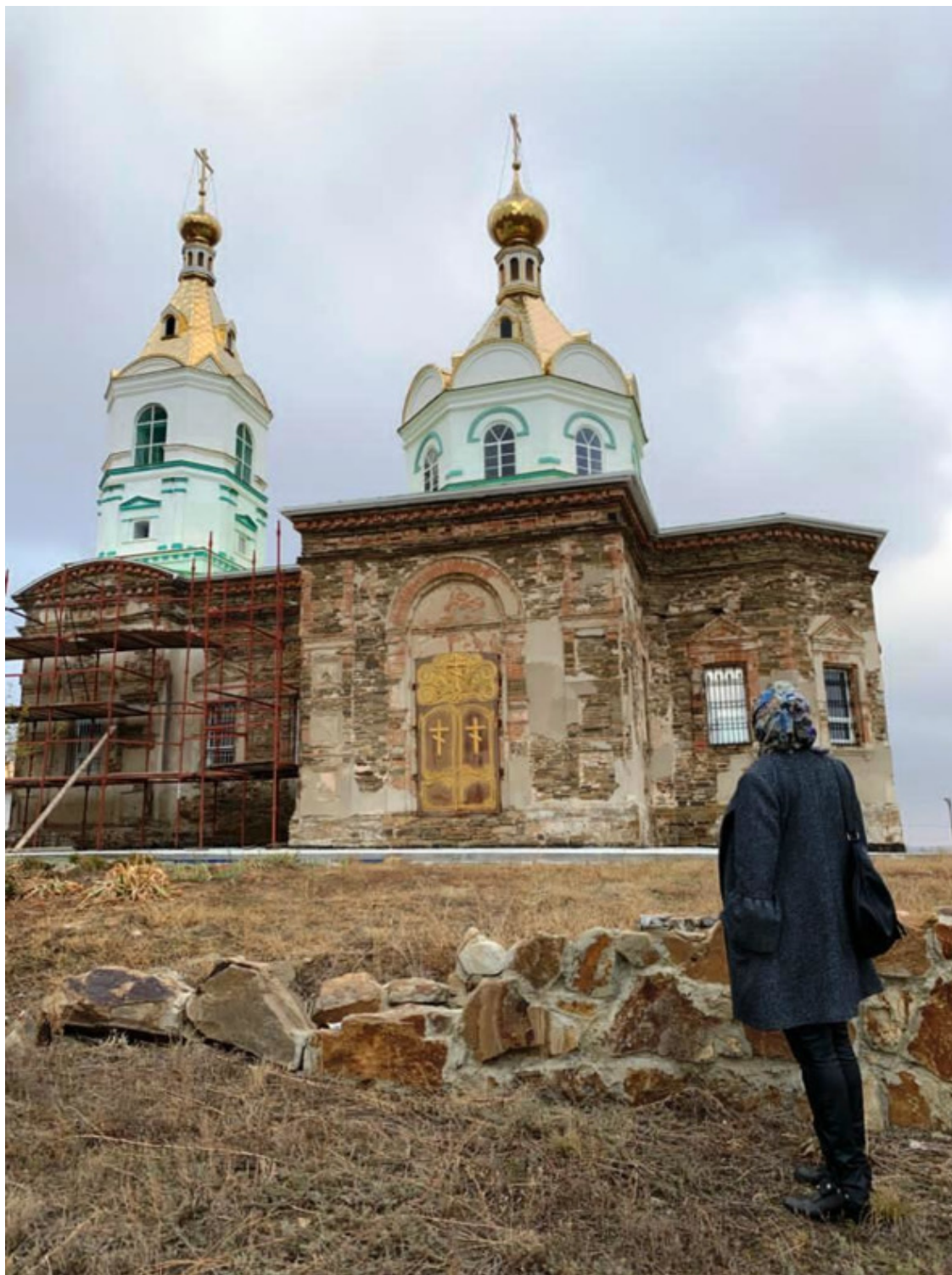
Сумасшедший трубадур

Догорают червонцы окрест,
Ни присвоишь за так, ни ограбишь,
Это чей-то насмешливый жест
Или просто божественный шабаш?

Всё навзрыд, на разрыв, чересчур...
На последнем дыхании лета
Сумасшедший трубит трубадур,
И задаром швыряет билеты.

Наберу их на целый партер,
Но спектакль остаётся последний,
Насмотреться не выйдет теперь,
На поклоне божественный гений.

Я ладони себе отобью,
Безрассудно тебя провожая,
Несравненную осень мою,
Разве будет другая такая...

Вернись покорна

*Церковь Троицы Живоначальной. Ростовская обл. х. Волченский,
каменная церковь построена в 1892 году, ныне восстанавливается.*

Не град Петров, – стояла на холме
Оглодком лет, пожарной каланчой,
Держала крест с Иисусом наравне,
Да только жаль, что ни одной свечой
За целый век холодных русских зим
Не обогрел никто сиротских стен,
И как же ёстов твой невыносим,
Один, как перст, – не жив, не убиен...
Смиранный мой, святейший мой приход,
Хоть нет клобука, дьякона, икон,
Твоя душа единственно не лжёт,
Пока порог не золотом мощён.
Руками трону мудрости твоей,
Вернись домой, покорна и проста.
В моём роду не видывали змей,
А будто жало вырвано из рта.

По белому

Помолчим поутру на два голоса,
Понимаем друг друга едва,
Очутились на северном полюсе, —
Обернулась земля в покова...

Локоть в локоть, как будто за тридевять
Невозможно далёких земель,
И ни слова единого вымолвить
На прощанье никто посмел.

Незамёрзшие лужи – купелями
В белизне молодого холста,
И красивая вроде, и смелая,
Только жаль, – не такая, не та.

Рассмеюсь – вот и всё, что я сделаю,
А сама – ни жива, ни мертва,
Как босыми ногами, по белому
В покова, покова, покова...

Быть обречена

Она запретна и законна,
Она в геенне – сатана,
И на коленях у иконы —
– Она.
Она – брюнетка и блондинка,
Мудра, но всё-таки, глупа,
Хоть цаца, хоть простолюдинка,
– Слепá.
Она реальна и химерна,
Она проста, как дважды два,
Но так сложна... И неизменно
Права...
Она спасается слезами,
А иногда – наоборот,
Дитя изменчивых Адамов
И Ев,
И вот...
С лица и даже наизнанку
Узнаешь с тысячи шагов,
С любой походкой и осанкой
– Любовь...
Смеётся, сахарней черешни,
Пьянее браги и вина,
Старухи-смерти неизбежной,
Но жить обречена.

Дышать забуду

По земляному бережку,
В рубашку синюю одето,
С пастушьей сумкой на боку
Идёт на пыльных лапах лето.

Ступает тихо и светло,
Стрекоз минуя мириады,
Воды прозрачное стекло
Тревожит в поиске прохлады.

Благословенная пора
Земли в медовых ароматах!
Шмели под заросли чабра
Укрылись, будто виноваты...

В пруды родные влюблены,
И широко и безыскусно,
Как древнерусские челны,
Плывут осанистые гуси.

Дышать забуду. Загляжусь,
Как по волне струится стая,
Как торжествует белый гусь,
Гортанно в небо восклицая.

Один день, одна ночь

И снова всё не так и невпопад,
О день, мой ненасытный, злобный гений!
Умыться, словно грязь с лица, убрать
Неправедность твоих прикосновений!

Ты с силой молодого кузнеца,
Как молотом, отстукиваешь время,
Не утруждаясь даже отрицать,
Что сам – не столько ангел, сколько демон.

Как тряпкой с ученической доски,
Ты вытираешь капли удовольствий,
И топишь, ожиданиям вопреки,
В бездонном океане лжи и злобства.

Ты сталью закаляешь, хоть не бог,
Бросая в ненасытливость мартена,
Но, слава богу, вечер на порог
Уже ведёт спасительные тени...

И будут уплывать опять в ничто
Долги и страхи, ревности и лица,
И я прощу тебя уже за то,
Что больше никогда не повторишься.

Не стань понедельником

То влюблённое, то неверное,
То холодное, то палящее,
Ты – моё воскресение вербное,
Моё лучшее, настоящее.
То постней одного колоса,
То скромней вершков сливочных,
И на крике, и вполголоса,
Я твоя до самих цыпочек.
В бесконечной, как век, радости
Нет особой у нас надобы,
Из одной енды в трапезной
Я и волчью сопью ягоду.
Будь вселенной, ребром, тернией,
Да не стань горевым вестником.
Ты – моё воскресение вербное,
Да не стань моим понедельником!

Обычный роман

Обычный, старенький роман...
Его листает старый тополь,
И штопай нитками, не штопай,
Опять развеет ураган.
Сюжет был, знаешь, не ахти,
Немного скучен и затаскан,
Наверно, это были сказки,
Я не заметила, прости.
И всё же чуточку, но жаль,
Была не сказочной развязка,
Герой в финале был неласков,
Да он и раньше не блистал.
И героиня – так себе,
В конце она, конечно, в слёзы...
Такая вот, приятель, проза,
И о любви, и о себе.
И только тополь на углу
Её читает тонкой иве,
Листая так неторопливо,
Как будто дарит похвалу.
Осталась парочка листов...
Он держит их с такой любовью,
Как будто это – мы с тобою,
И до весны читать готов.

Как две капельки воды

На́ два голоса, и соло,
Если трое – то на трѹ,
Сладок повод или солон,
Пой! Охрипнешь – говори!
Мама пела и за радость,
И за горе, и за страх...
Мне наследие досталось
Русской песней на губах.
Затяну, вскричу, завою,
С ней – и плачу, и смеюсь,
Да хоть в прорубь с головою,
Как и вся честная Русь!
Пой! Тяни меха гармони,
Нет гармони – просто так,
Под горячие ладони,
Под берѣзку и трепак...
До слезы, дотла, до дрожи,
Да на все, что есть, лады...
Просто, мы с тобой похожи,
Как две капельки воды.
То смеясь, а то стеною,
И при жизни, и в раю,
Слышишь, мамочка? Я знаю,
Ты споѣшь... И я спою.

Город уснул

Город уснул на подушке кленовой листвы,
Плечи укрыл одеялом густой паутины...
Это он утром проснётся и шумным, и сильным,
Ну, а пока, под надзором своих часовых,
Дремлет и видит чудесные сладкие сны,
В них над корзинами груш увиваются осы,
Капает дождь из сиропа, густой и раскосый,
Мёдом душистым кадушки и плошки полны.
Спросите, кто часовые? Да я и стихи...
Ходят по спящему городу добрые строки,
Я же блины заведу, да ещё и с припёком,
Будут готовы, когда закричат петухи.
Спи, мой наивный, уездный, простой городок,
Ты, как ребёнок, сопишь, обнимая игрушки, —
Старый вокзал, магазины, дворцы и клетушки...
Спи, мой герой! Пробуждения час недалёк.

Королева

Мои пажи – в глубоком реверансе,
С утра явились с общей челобитной,
Мурлычут кошки, пёс к ноге прижался,
Садовый грач в прищуре ненасытном.

Мой юный принц, – чуть свет, уже при деле,
Скрипит в трудах его клавиатура,
Серьёзный малый, хоть и надоела
Его крутая, нервная натура.

Мой грозный царь (потихе!) почивают.
Храпит на стуле старая корона.
Ты спи подольше, светлый, баю-баю...
Всё хорошо в твоём хозяйстве тронном.

Я вытру пыль с кольчуги и фанфары
Без свиты слуг и царственного гнева,
Она – со мной, незыблемая пара
Придворных рук обычной королевы.

Тихая молитва

Притомился вечер за окошком,
Засветилась свечка на божнице.
Умоталась, день был заполошным,
Знать, пора уже и помолиться.
Попросить за сына-хулигана,
Только-только стукнуло семнадцать.
Ведь один сыночек, долгожданный,
Дай-то Бог, ума ему набраться.
Да соседка наша непутёва...
Оттого, видать, что одинока,
А глядишь, и вышла б за второго,
Кабы дал Господь немного проку.
Прихворнула старая коровка,
Помоги, заступница, безвинной,
И просить за мелочи неловко,
Да куда же денешь животину.
Шелестит бескровными губами,
Причитает тихо и стыдливо,
Только целый мир зачем-то замер,
Оглушила мир её молитва.

У Вас температура!

(иронические стихи)

Мой милый, да у Вас температура,
И что-то возле тридцать семь и два!
А я смотрю – какой-то Вы понурый,
И ноги переносите едва.

Как лампа, в коей мало керосину,
Нисколечко не греет и дымит,
Так Вы, мой друг, живой наполовину,
Как будто отоварили «ковид».

Ваш образ – и болезный, и туманный,
Вы гаснете, мой свет, день ото дня,
Но бросьте же мильён своих терзаний,
Всё просто – Вы не любите меня...

Я знаю, Вы шалун и слишком падкий
На прелести непрофильных страстей.
Летите, как капуста от грядки,
От жизни неудавшейся моей!

Лирический бисквит

Вы скажете, стихи? Да полно тѐ!
Избытками любви, жеманства, злости,
Со скоростью усердного прохвоста
Строчить себе в наивной простоте...

Наборы сантиментов разложить
По полочкам, по рифмам и сюжетам,
Попасть в себя изящным рикошетом...
И вот тебе лирический бисквит.

Но где-то, в непроглядной глубине
Сплетений мышц, сосудов и субстанций
Надеюсь, зреют мизерные шансы
Однажды, со строкой наедине,

Пройти по острию главнейших слов,
Почувать боль от истины разящей,
И написать один, но настоящий
Из тысячи бессмысленных стихов.

Узнаешь меня?

Услышишь ли голос
За звонкими струнами гроз,
Во вспышках сверхновых
Заметишь ли просто свечу?
Из тысячи лиц,
Что тебе повидать удалось,
Окликнешь моё ли?
Я этого очень хочу...
Как травы ложатся в степях,
С ноябрями мирясь,
Как лист отрывается с болью
От ветки своей,
Так сохнет на солнце, мертвея,
Глубокая грязь,
Так гаснет последняя
Из сумасшедших затей.
Да разве узнаешь свою
Из скопления звёзд?
Устанут, как люди, призывно
Растрачивать свет...
Узнаешь меня?
Просто, целая жизнь – не помост,
Износится красное платье
За давностью лет.

Счастливый билет

Окошко «Судьба», отправной вокзал,
Где каждый берёт билет,
Мне продали рваный. Кассир сказал:
– Других, извините, нет...

А мне отдать бы его назад,
Дождаться других дорог,
Но поздно. Колёса уже дрожат,
А поезд гудок исторг.

Была бы я раньше не так слепа,
Ах, если бы, да кабы...
В глухие дебри ведёт тропа,
И нету другой тропы.

Я тихо сходила тогда с ума,
Когда появился ты,
И там, где тиной зыбун пропах,
Смеясь, посадил цветы.

О, как бегут заводные дни...
Билет не купить назад.
А вдоль дороги, душе сродни,
Шумит величавый сад.

Чай – любой

Мой октябрь – неистовый и ласковый,
Твой – унылый, прелый да сырой.
Мой играет рифмами и красками,
Исподлюбья гневается твой.

Допевает песни суматошные
(Не охрипнуть, боже упаси),
Моя осень, девочка роскошная,
Твой басок до времени осип.

В небесах не плачут гуси-лебеди,
Разминают сильные крыла,
А твоя жар-птица то ли вдребезги,
То ли снова к югу удрала.

Чай тебе – с смородиной и мятою,
Мне из рук любимого – любой,
У тебя – бессонница проклятая,
У меня – всенощная любовь.

Я опять не плачу, что не выпалась,
Потянусь наутро, – и свежа,
А тебя уже покрыла изморозь,
И застыла сонная душа.

Моя радость – жить, а душит дó смерти,
Подавайте плаху палачу!
За твои холóдности и горести
Я своим пожаром заплачу.

Обычный путник

Вдоль золочёных улиц, вдоль тополей
Топал обычный путник. Как все, спешил.
Только он был горячий, как семь огней,
Только босые пятки мешали пыль.

Был васильковым цвет его добрых глаз,
Выгорел чуб кудрявый, и стал льняным.
Кажется мне, — я видел его не раз,
Чудится мне, что и вы говорили с ним.

Липли к нему карапузы, жуки, шмели,
Пчёлы вились в разнотравье его волос,
Красные девки венки для него плели
И хохотали, — не слишком ли ты зарос?

Морщил смешливый путник курносый нос,
След оставляя в тёплой, как чай, пыли,
Мы не могли подумать, что всё всерьёз,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.